

На правах рукописи

Маклакова Светлана Владимировна

**Художественное осмысление XVIII столетия
в романе В. П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2012

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Дзюба Елена Марковна

Официальные оппоненты: **Чернышева Елена Геннадьевна,**
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры русской литературы;

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Московский гуманитарный педагогический институт», профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный областной социально – гуманитарный институт (Коломенский государственный педагогический институт)»

Защита состоится 5 апреля 2012г. в 15.30 на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп.1).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова И.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004) – одно из самых ярких и оригинальных произведений «позднего» В. Аксенова, в котором художественно осмысливается исторический путь России, его соотношение с цивилизацией Запада. В нем нашли завершение долгие поиски писателя в области романной формы.

Объектом исследования в диссертации стал роман В. П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004), а также публицистические тексты А. С. Пушкина, посвященные оценке личности Вольтера («Вольтер»; заметки на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова»; «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной»); фрагменты романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», связанные с художественным осмыслением писателем эпохи XVIII века.

Предметом исследования является объем и качество рецепции XVIII века в романе В.П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»; специфика восприятия и использование писателем образов этой эпохи, своеобразие его художественного мышления, отразившего результат осмысления иной культурно-исторической эпохи.

Авторская рецепция XVIII века анализируется в тексте диссертации как составляющая контекста восприятия и художественного освоения XVIII века в русской литературной традиции. Выбор текстов XIX века и сопоставление их с романом В.П. Аксенова позволили оценить меру притяжения и отталкивания современного автора от образа эпохи XVIII века.

Цель исследования состоит в определении значения образа «куртуазного» XVIII столетия для формирования художественного целого, идейной структуры романа.

Избранная цель обусловила постановку и решение следующих **задач**:

1) исследовать специфику художественного восприятия и осмысления эпохи XVIII века в романе;

2) рассмотреть итоговый образ эпохи в контексте традиций реалистического историзма XIX века;

3) определить области полемического диалога с традицией;

4) проанализировать структуру образа автора в качестве «законодательной» инстанции, определяющей глубину и объем образа эпохи путем взаимодействия уровней существования в тексте повествователя, персонажей и собственно авторского контекста;

5) определить жанровую специфику романа и её обусловленность обликом эпохи в «Вольтерьянцах и вольтерьянках».

Новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые проблема рецепции XVIII века проанализирована по отношению к роману В.П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Предпринято сопоставление в контексте рецепции XVIII века произведений В. Аксенова, А. Пушкина и Л. Толстого, выявлен контекст автора и «контекст героя», зоны их взаимодействия.

Актуальность темы обусловлена выбором аспекта исследования. Обращение автора к эпохе XVIII века, стремление осмыслить современный диалог России и Запада с помощью «оптики» ценностных ориентаций столетия «безумного и мудрого» позволяет считать В.П. Аксенова участником генеральной линии развития культурно-исторической и философской мысли последних десятилетий XX – начала XXI вв., обратившейся к наследию самого европейского века в истории России¹.

Методологию нашего исследования составило сочетание историко-литературного, сравнительно-типологического, функционального аспекта изучения художественного произведения, а также герменевтические установки анализа текста. *Методологические принципы исследования* обусловлены характером поставленных задач и формулировкой темы, предполагающей

¹ См. работы: *Артемьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопии в России эпохи Просвещения. – СПб. 2005; *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия XVII – первая треть XIX веков – М., 2002; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII – XIX вв. Традиции и новаторство. – М., 2003; *Й Клейн.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М., 2005 и мн. др.

исследование художественного восприятия XVIII столетия в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

Базовыми теоретико-литературными понятиями в работе стали *контекст автора* и «*контекст героя*», анализируя специфику которых в романе В.П. Аксенова, мы обращались к исследованиям М. М. Бахтина по теории диалога.

Исследование диалога традиций в осмыслении феномена XVIII века В. П. Аксеновым, а также А. С. Пушкиным и Л. Н Толстым было проведено с учетом важнейшего для литературного процесса XIX века компонента анализа – понятия *реалистический историзм*. Реалистический историзм предполагает поиск автором причинно-следственных отношений, мотивированных прежде всего характером обстоятельств.

Методологические установки диссертации сформировались на основе размышлений Л.Я. Гинзбург о характере восприятия художественного произведения («Об историзме и структурности»); принципов рецептивной эстетики и герменевтики, воплощенных в трудах Г. Гадамера, а также представителей так называемого «субстанциализма» Х.-Р. Яусса, Л.В. Пумпянского, считавших возможным реальное существование «оригинала» как «единственного идеального эстетического предмета», задуманного и реализованного автором.

В диссертации нами используются понятия художественная рецепция, интерпретирующая рецепция. Под *художественной рецепцией* мы подразумеваем взаимоотношение произведения искусства и реципиента, которое зависит от субъективных особенностей последнего и объективных качеств художественного текста, от художественной традиции и общественного мнения. Под *интерпретирующей рецепцией* мы понимаем «контекстуальную предпосылку читательского опыта эстетическому восприятию».

Используя в герменевтические установки анализа романа «Вольтерьянцы и вольтерьянки», мы следуем за Г. Гадамером, определившим такой подход, как возможность «сосредоточиваться на внутренней стороне обращения с этим миром знаков или, лучше сказать, на таком глубоко внутреннем процессе, как

речь... Как семантика, так и герменевтика, каждая по-своему, тематизирует всю совокупность человеческих отношений к миру, как они выражены в языке»².

Проблема восприятия художественного текста осмыслена в диссертации с учетом исследования коммуникативных начал художественного произведения («послание», ориентированное на восприятие) в работах В. Ф. Асмуса, Ю. Б. Борева, В. Е. Хализева, Б. О. Кормана, В. В. Прозорова, А. М. Штейнгольда, Л. В. Чернец, Е. Е. Захарова.

При изучении творчества В.П. Аксенова продуктивными оказались работы Н. Ефимовой, К. Кустановича, В. Линецкого, М. Липовецкого, Е. Пономарева.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в диссертации на примере романа В.П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» выявлены механизмы рецепции XVIII века в современном литературном процессе. Сопоставительный анализ художественного осмысления эпохи в произведениях XIX века и романе В.П. Аксенова позволил определить вектор трансформации исторической темы в условиях постмодернистской эстетики, в поле притяжения которой находится роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки», но не в полной мере принадлежит ей; обозначить жанровые свойства «старинного романа».

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его положений и выводов в лекционных курсах по истории современного литературного процесса, русской литературы XVIII столетия, в преподавании специальных курсов по проблемам историзма и рецепции в художественном творчестве, в практике комментирования произведений В. Аксенова.

Положения, выносимые на защиту.

1. Художественное восприятие и осмысление эпохи XVIII века в романе В.П. Аксенова базируется на приоритете организующей художественной формы над материалом в качестве эстетического предмета.

² Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. –С.60-71.

2. Структура образа автора в качестве «законодательной» инстанции, определяет глубину и объем образа эпохи путем взаимодействия уровней рассказчика, персонажей и собственно авторского контекста.

3. Итоговый образ эпохи в контексте традиций реалистического историзма строится у В. Аксёнова таким образом, что любой исторический эпизод содержит аллюзии на XX век, автор приводит две эпохи русской жизни – «куртуазную» и современную – к некоему общему знаменателю, выявляющему в них общую культурную, социально-политическую и художественную парадигму.

4. Области полемического диалога с традицией реалистического историзма базируются на тенденции презрения к «пользе», боязни любой «идейности» в романе Аксёнова, что противоречит традиции русского классического романа; кроме того, в русской классике принцип историзма предполагал в качестве неперемennого условия именно воспроизведение «культурного кода» эпохи в противовес приему стилизации у современного автора.

Апробация работы: итоги работы над отдельными главами диссертационного исследования были изложены в виде докладов на научных конференциях регионального, российского и международного уровня: «Русско-зарубежные литературные связи» (Нижний Новгород, 2010); XXII Пуришевские чтения (Москва, 2010); «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, 2010). Материалы диссертации обсуждались на методологическом семинаре кафедры русской литературы НГПУ. Основные положения диссертационного исследования представлены в 6 публикациях.

Структура диссертации: работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и библиографического списка, включающего 224 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначается цель исследования, обосновывается актуальность поставленной научной проблемы, определяются предмет, объект

исследования, обосновывается выбор методологии, формулируются положения, выносимые на защиту.

В I главе диссертации **«Специфика художественного восприятия и осмысление эпохи XVIII века в романе В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»** анализируется внешний контекст, благодаря которому возникает своеобразие исторической темы в романе.

В §1 *«Особенности рецепции XVIII века как эстетического явления в романе В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»* анализируется своеобразие рецепции XVIII века в ее эстетическом качестве, осмысливаются моменты притяжения или отталкивания автора от разработки образующих ее тем в составе уже имеющейся культурной традиции. В этом разделе работы оценивается объем, векторы и горизонты этой традиции.

Историческая эпоха, воплощенная на страницах романа, сведения, сообщаемые о ней повествователем, возникают в обрамлении особых стилевых примет. Присутствие в тексте старославянизмов («тщание», «алкает»), языка столетия («ласкаюсь»), варваризмов («облискурация», «суркумстансия», «лянг», «эксперьянца», «фемина» т.д.) освещает заявленную авторскую позицию авторитетом традиции. Основные «приметы эпохи», в том числе и ее собственно литературного наполнения, складываются из цитат, отсылающих к классикам XVIII столетия («Неправо о вещах те думают, Шувалов,/Которые стекло чтут ниже минералов»), указаний на свойство жанра, вида пейзажа («сия буколика»), мелькающих повсюду гекзаметров собственного авторского сочинения, реконструируемых стилевых примет классической утопии, которую сочиняет Ксенопонт Афсиомский, отсылок к научной и философской фразеологии века Просвещения. Однако эти приметы эпохи отмечены чертами стилизации. Автор явно не стремится к правдоподобию, скорее приглашает читателя принять условия игры. Но именно в таком качестве и объеме образ XVIII столетия отвечает художественным задачам автора, поставленным в романе. В полном соответствии с замыслом в произведении воссоздан и представлен не сам по себе язык той эпохи в его истинном грамматическом и

лексическом строе, но лишь его образ – читатель должен «узнавать» этот язык и тем самым «признавать» его предлагаемую модель как авторский успех.

Автор сознательно дистанцируется от принципа реалистического историзма как от чуждого его художественной задаче формального ограничения. Воспроизведение духа эпохи, образа мыслей и чувствований, присущего ей, не является для Аксенова эстетическим объектом. Рецепция XVIII столетия в романе Аксенова не историческая, а метафорическая, и содержит в себе только те элементы, которые могут соответствовать замыслу романа о современности.

В §2 «*Рецепция XVIII столетия в русской классической литературе*» мы рассмотрели, как люди и идеи этой эпохи изображались у авторов, для которых принцип историзма входил в сферу эстетического.

Пушкина интересовала в жизни Вольтера тема величия поэта и ничем не отличающейся от других «детей ничтожных мира» человеческой ординарности, уживавшихся в нем. Ответ Пушкина на эту «загадку» существенно отличается от того, который дан в современном произведении («старинном романе»), где эта тема тоже является одной из ведущих. Так, Пушкин принципиально отказывается оправдать одно другим или подвергнуть поэтический талант Вольтера сомнению из-за неприглядности его частной жизни: в его оценке поэт и частное лицо со всеми своими слабостями и пороками принадлежат разным измерениям жизни, причем разность эта принципиально неустранима, она отражает философскую идею в замысле о человеке и поэтому является для Пушкина главным источником поэтического вдохновения. Так, например, эта тема осмыслена в статье «Последний из свойственников Иоанны Д'Арк» А.С. Пушкина.

Конструируя свой образ Вольтера, Аксенов воспроизводит романтическую концепцию творческой личности – автора, неподвластного никакой критике (она сходна с представлением Аксенова о герое-«байроните»).

Нами также проанализировано художественное воспроизведение эпохи XVIII века, восприятие людей этого времени в романе-эпопее Л.Н. Толстого

«Война и мир». Наш выбор пал именно на этот роман, потому что его автор претендует в большей мере, чем остальные русские классики, а) на создание нового типа романа, сочинения с существенным осмыслением исторической темы – роман-эпопея; б) потому что он создает свою концепцию истории (реалистический историзм) – роль личности в истории ничтожна; история движется массами; в) он претендует на философскую концепцию жизни: Пьер и Андрей, а вместе с ними автор задумываются над основаниями бытия; г) в романе происходит столкновения сознаний XVIII и XIX вв.

Художественной темой Л.Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир» является неповторимость прошедшей эпохи, стремление людей, для которых XVIII столетие было временем их жизни, защищать свои ценности, убеждения и идеалы. Нами проанализированы образы князя Николая и Андрея Болконских в связи с столкновением «старинного» и современного миропонимания в романе: старый князь вспоминает «матушку-императрицу» именно в ее властном, монаршеском качестве, ценностно значимом для него; для князя Андрея Наполеон – до некоторого времени - образец для подражания. Князь Андрей видит в Наполеоне идеал, реализацию своих сокровенных мечтаний.

Преемственность эпох современным автором воспринимается иначе. Исторический процесс понимается Аксеновым не только как непрерывный, но и как непрерывно повторяющийся, поэтому герои позапрошлого столетия – Николай Лесков, Михаил Земсков, курфюстиночки – по своему психологическому типу, способу оценивать жизненные явления, ничем не отличаются от современных интеллигентных горожан.

По сравнению с традицией реалистического историзма, утвержденной в русской классике в качестве необходимого эстетического условия по отношению к материалу другой эпохи, в романе В.П. Аксенова идейно и содержательно значимым становится намеренный отказ от этой традиции.

В §3 *«Зоны полемики в содержательном составе рецепции XVIII века в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки»* анализируется своеобразие

воплощения исторической темы в романе Аксенова в сравнении с традицией классического романа.

У Аксенова актуальным смыслом и целью игры в историю является совпадение с современной картиной мира. Ничто в поведении, чувствах, образе мыслей аксеновских персонажей не отмечено знаком несходства с новой эпохой.

Тема России, начавшей во второй половине XVIII столетия воспринимать европейское влияние уже не только в объеме внешних, в основном технических, цивилизационных проектов Петра I, но и в плане философских и эстетических идей, из более или менее общеизвестного исторического обстоятельства превращается в романе в живую конкретику актуального смысла. Дело не в том, «верна» или «неверна» представленная в романе вариация темы «Россия и Запад», а в том, что она в духе «старинной литературы» идеологична.

Поэтический язык превращается в комедийный, своей стилистикой оттеняя совершенно не возвышенные, а чаще всего акцентированно сниженные обстоятельства: например, дружеской болтовни, «низких истин», явных прозаизмов, бытовой эмпирики. Однако иронический модус, фиксируемый в романе, не служит целям обличения и развенчания, как это было, например, в эпоху возникновения и недолгого процветания стихотворной сатиры как жанра идеологического и дидактического. Ирония этого нового типа не выражает ни скепсиса, ни сомнения, ни мятежа – это всего лишь хороший тон новой литературы – не воспринимать всерьез никакие ценностные императивы.

Контраст между эстетикой XVIII века, составляющей важнейшую романную тему с помощью инструментов имитирования этой эстетики, и новейшим искусством рассказывать истории, определяет основной композиционный прием, скрепляющий художественное целое романа.

В романе происходит целенаправленная трансформация привычных представлений о XVIII веке: классицистический пафос отражает стремление к высотам мысли, у Аксенова эта направленность пародируется введением в

структуру романа возвышенно-иносказательного сочинения одного из персонажей – Афсиомского, который с легкостью меняет свои взгляды.

В главе II **«Образ автора в романе В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»** мы показали, каким образом влияет активная авторская позиция на художественное целое произведения, его итоговую идею; как новизна авторского присутствия в тексте взаимодействует и сочетается с подчеркнуто архаичным материалом (стилизованным языком, образами XVIII столетия), образуя специфический художественный эффект.

В §1 *«Голос автора-повествователя в романе и его роль в выражении авторского контекста»* охарактеризована реализация в романе В. Аксенова «Вольтерьянки и вольтерьянцы» формальных признаков авторского присутствия в тексте. Под голосом автора-повествователя мы понимаем субъективное авторское слово. В данном разделе работы проанализировано, как действует в романе воля автора-творца, какую ценностно-смысловую структуру она формирует, с помощью каких выразительных средств происходит такое формирование.

Авторское «присутствие» в романе «Вольтерьянцев и вольтерьянок» обнаруживает себя на *трех различных уровнях*: персонажа, сюжета, жанра.

1. Повествователь предстает в романе как персонаж, близкий к биографической личности писателя, что находит отражение в провозглашаемых по ходу повествования жизненных ценностях и эмоциональных оценках происходящего (оправдание философии гедонизма).

2. Автор обозначает свое присутствие негласным одобрением позиции героя, поступки героя «завершены» его положительной санкцией (Михаил Земсков не несет никакого наказания за свои многочисленные похождения).

3. Авторская воля отчетливо явлена в построении сюжета, в формировании ценностно-смысловой структуры произведения, наконец, в верховенстве автора-повествователя над всеми существующими в тексте точками зрения. Таким образом, возникает пересечение контекста автора и «контекста героев».

В §2 «Контекст героя и «контекст автора» в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки» показано, как совмещаются две различные системы мировидения, одна из которых, принадлежащая XVIII веку, подвергается активной корректировке со стороны современного опыта и современной мировоззренческой гибкости.

Многие, поставленные автором вопросы, остаются в романе принципиально без однозначного ответа: например, философско- религиозный аспект, связанный с символическим отождествлением Вольтера и «део» в конце романа.

Эпоха XVIII века воспринимается Аксеновым с точки зрения свободы в межличностных отношениях (в духе «Пригожей поварихи» М.Д. Чулкова) и философии гедонизма. Снисходительность к тому, что позднее будет названо моральной распущенностью, невозмутимо «встраивается» в современное повествование. Идеологемы эпохи XVIII века – долг, честь, служение государству, необходимость жертвования личными интересами во имя блага человечества – оказываются чуждыми героям романа, а «прекрасные и высокие» идеи часто травестируются, становятся предметом шутки (человечество-«пчеловодство», идея служения отечеству в трактовке Афсиомского)...

Исторического персонажа XVIII века сменяет любимый Аксеновым тип героя – «байронит», осмысливаемый автором как положительный образ. Характеристики такого рода героя представлены в авторских отступлениях (рассуждения, стихотворные вставки). Основными чертами аксеновского «байронита» являются активное участие в переустройстве России; бесстрашие и в криминальных разборках, и в противостоянии с государством; денежное благополучие при сохранении свободы от культа денег; обязательная «любовная история» и достаточно свободное отношение к супружеской верности; стремление к реализации масштабного проекта, реального или символического «очищения воздуха»; интерес к философским вопросам (проблемы жизни, смерти, самопознания).

Глава III «Жанровая специфика романа В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» посвящена выявлению специфических жанровых характеристик романа. Следует, однако, сразу же оговориться и отметить, что четких жанровых характеристик, строгих жанровых ограничений и условий у романа, собственно говоря, нет, и именно это обстоятельство делает его живым и способным развиваться художественным явлением в современную эпоху, когда ревизии подвержены практически все прежние эстетические основания и художественные модели.

В §1 *«Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» в контексте тенденций развития жанра романа»* анализируются жанровые признаки «старинного романа» В.П. Аксенова. Авторское обозначение жанровой разновидности опытный читатель сразу же воспринимает в кавычках: историческим событиям и историческим персонам в этом романе придан вызывающе современный, живой, напряженно актуальный смысл, что, помогает реализовать авторский замысел.

Жанровая сущность романа позволяет ему наиболее динамично вступать во взаимодействие с любыми историческими или эстетическими изменениями литературного процесса. Единственным устойчивым признаком жанра романа остается его способность эстетически выразить новый опыт человека (частного героя) в новую историческую эпоху, то есть дать ему имя и форму. Создавая произведение, автор выбирает способы реализации своего замысла и общения с читателем, в произведении по всем его параметрам проявляется индивидуальность автора, его творческая манера. Отказ от неукоснительного следования преданию и вступление в зону непредсказуемого эксперимента обусловило долгую жизнеспособность романа как жанра в эстетике нового времени.

В «Вольтерьянцах и вольтерьянках» происходит «радикальный переворот» в жанровой структуре исторического романа: традиционное представление, сложившееся в русской культуре по отношению к XVIII веку, обретает в авторской интерпретации новое звучание.

Позиция повествователя пристрастна, подчеркнуто субъективна, он не заботится об «объективности» изложения своей истории. Таким образом, дистанция между синхронным и диахронным планами восприятия материала другой эпохи для воспринимающего сознания читателя исчезает.

В «старинном романе» о вольтерьянцах и вольтерьянках XVIII века, как и вообще в художественном мире В. П. Аксенова, отсутствует сама идея страстей как опасных заблуждений человеческого духа и воли, что было свойственно русскому роману XIX века. Как следствие в «Вольтерьянцах и вольтерьянках» нет героев, которые сокрушались бы о собственном несовершенстве, признавали свою вину, стыдились неблагоприятных поступков. За свои многочисленные любовные похождения Михаил Земсков никогда не будет наказан. Определение «старинный роман» служит авторской задаче утверждения новых норм морали. Новая эстетика старается активно «развенчать» старую. Аксенов пытается дать новый образ традиционным романским героям и героиням, полемизируя, в сущности, с предыдущей жанровой традицией, табуировавшей некоторые темы простым выведением их за пределы сферы эстетического.

Сдвиг в ценностной структуре относительно традиционного романа приводит к поиску новых форм, необходимых для закрепления ценностей наступающего времени и, следовательно, для формирования новой жанровой разновидности. Индивидуализм, культ своеволия, понимаемый как свободомыслие, и откровенный гедонизм осознанно противопоставлены в новом романе традиционным романским добродетелям. Наглядное значимое соотношение между традицией и новыми поисками в широких границах жанра составляет главную сюжетную коллизию романа «Вольтерьянцы и вольтерьянки», поскольку является его центральным эстетическим объектом.

В §2 «*Индивидуальный художественный стиль как условие и фактор жанрового своеобразия*» выделены признаки авторской разновидности типа художественного сознания, В.П. Аксенова; проанализировано его влияние на специфику жанра произведения.

Центральной темой «Вольтерьянцев и вольтерьянок» становится отказ человека от ответственности за свою судьбу, поступок, выбор. Герои романа участвуют в «судьбоносных», казалось бы, событиях эпохи. Однако ни один из героев не торопится продемонстрировать пылкий энтузиазм. В этом состоит один из вызовов традиционному историческому роману, прежде всего – концепции героя. Персонажи «Вольтерьянцев и вольтерьянок» много внимания и заинтересованной, преданной заботы отдают ритуалу, форме, внешнему «комильфо»: «Однажды он [Николай – С. М.] чуть не бросил свой караул, когда мимо прошли томные кавалергарды с меховыми муфтами в руках; вернее, наоборот – с руками в муфтах! ...и вот он их увидел своими глазами, этот неприменный аксессуар джентльмена, или жантильома...» (с. 30–31). В «Вольтерьянцах» «молодежная» система ценностей и приоритетов дает о себе знать на всех уровнях разработки тем и постановки проблем.

Реалистическому историзму классического романа (линейно-хронологическая композиция, объективность и эпическая широта повествования, поиск причинно-следственных отношений) у Аксенова противопоставлена изощренная композиционная структура, основанная на обнажении приема и воспроизводящая кажущуюся легкость, «летучесть» «джазовой импровизации» (В. Ермолин): авторские усилия направлены на создание иллюзии неорганизованности материала, случайного характера расположения частей, что, по замыслу автора, отражает непредсказуемость и живую сложность самой жизни, не укладывающейся в рамки стройных логических схем.

Существенной ревизии подвергается прежняя система ценностей, нашедшая свое эстетическое завершение именно в классическом романе, в том числе в русском романе XIX века – «золотого века» для этого жанра. Традиционные романские темы получают иной вектор проблемности. Например, несовершенство человека, его слабость и малодушие лишаются напряженной религиозно-философской рефлексии, свойственной всем русским романам XIX века и приобретают явственный «правозащитный» характер.

Понятие греха отменяется, ему на смену приходит философия гедонизма и, как следствие, беспредельная снисходительность ко всему, что связано с удовольствиями и благами жизни. «Мелкие слабости» Вольтера и Екатерины II изображены в романе с ироническим сочувствием и великодушием как принципиально неподвластные никакому корректирующему влиянию, в том числе и со стороны самих героев, подверженных этим слабостям. Слабости и несовершенства человека увязываются здесь с вопросом о свободе личности и потому неприкосновенны. В романе поэтизируется гордость, своеобразие, сознание собственной исключительности, присущие «великим людям» – что тоже противоположно этическим стандартам, воплощенным в классическом романе. Писатель делает попытку пересмотра прежней системы ценностей и берется противопоставить ей новую, стремясь дать ей эстетически убедительный образ и строй. Много авторских усилий в романе посвящено «реабилитации» таких традиционно негативных в пространстве русского классического романа человеческих качеств и направления духовных усилий, как забота о собственном «имидже» (одежда, этикет, культ «комильфо», светская непринужденность манер), предельная раскрепощенность в вопросах пола, снобизм.

Верность писателя красоте и истине препятствует жесткому и агрессивному звучанию аргументов в споре, который ведется на общем пространстве культуры.

В **Заключении** диссертационной работы обозначены итоги исследования.

Доминантой в создании образа XVIII века в романе является стилизованный язык этого столетия, он же служит целям «остранения» хорошо знакомых читателю современных социально-политических и литературных реалий. Писатель воспроизводит тяжеловесный «варварский» синтаксис, «забавный русский слог» давней культурной эпохи вовсе не для целей исторического правдоподобия, и не воссоздание «колорита эпохи» является здесь художественной задачей. Создается ощущение, что эстетическое впечатление возникает на основе факта отсутствия каких-либо практических

задач на идеологическом и тематическом уровне: перед нами искусство в чистом виде, демонстрация мастерства.

Предметом эстетического осмысления становится факт освоения писателем чужой стилиевой системы. Художественный эффект узнавания XVIII столетия достигается в точке пересечения читательского опыта и знакомства с авторским восприятием культуры этой эпохи, прежде всего в словесном облики – знакомства именно литературного: Сумароков, Ломоносов. Читатель воспринимает предусмотренные и предугаданные автором моменты совпадения с собственной «матрицей» данного предмета, радуется узнаванию, тому, что его собственные интуитивные представления о русском восемнадцатом веке облекаются в живую плоть языка, с его необычной интонацией и мощным архаичным синтаксисом.

На определенном этапе развития литературы, переживающей кризис идей, и писатели, и читатели, и критики испытывают острую идиосинкразию на «идейность» искусства, особенно литературы. В соответствии с этой тенденцией собственно эстетическим явлением в литературном произведении признаются лишь отдельные находки, например, яркие метафоры, наиболее выразительные и эффектные художественные приемы. Именно эта тенденция презрения к «пользе», боязнь любой «идейности», вызванная усталостью от «грозных вопросов морали» в качестве эстетического объекта, обусловили, на наш взгляд, кризисное состояние литературы на современном этапе ее развития.

Постмодернизм как стиль эпохи в своей конкретной художественной практике утверждает «безыдейность» в качестве торжества свободы искусства. Проблематика в произведениях этой художественной системы возможна только в ироническом, игровом, «цитатном» качестве. Но, тем не менее, эстетический предмет в литературе постмодернизма есть: это культура детали, подробности, это тема своеобразия творческого видения, воспринимающего весь мир как великую метафору, и, конечно, «игра в бисер», то есть формирование интертекстуального литературного пространства, единого метатекста.

«Вольтерьянцы и Вольтерьянки» написаны в тот период, когда идеи эстетики постмодернизма в значительной степени актуализировались. Роман Аксенова отразил это явление, однако художественное сознание автора, воспринявшего традицию русской классической литературы, выводит текст произведения за рамки жесткого следования той или иной эстетической установки. В романе «Вольтерьянки и вольтерьянцы» тема свободы искусства является одной из центральных. В основном она выражается в прямых авторских обращениях к читателю, содержащих в себе указания на художественную условность, на вымышленный характер рассказываемой истории. Автор приглашает читателя обращать внимание не столько на занимательные перипетии сюжета, сколько на искусство построения этого сюжета, на сам процесс сотворения художественного мира. «Идейность» искусства подвергается безжалостному и ядовитому осмеянию в сквозной сюжетной линии, связанной с литературными упражнениями одного из персонажей романа – Афсиомского. В его «утопиях» эклектически перемешаны социальные заказы разных литературных групп и партий, а это ни к чему, кроме слащавых благонамеренных пошлостей, привести не может. Таков вывод Аксенова, и именно поэтому он, в качестве автора романа, всё же идеолог, полемизирующий с чуждой точкой зрения и утверждающий свою собственную. Жанр творений Афсиомского не случайно обозначен как утопия – сквозь конкретику жанровой специфики изображаемой эпохи современному читателю это слово открывает свой оценочный характер. Афсиомский, наивно обслуживающий социальный заказ, занят не своим делом, и оттого его творения так бездарны.

Предмет эстетического осмысления вводится автором уже в первых строках романа: «Бешеный галоп выветривает вчерашнюю данцигскую пьянку из глав и телес двух шевалье, Николая и Мишеля. Слава тебе Господи, что лошади не пьют! Как это не пьют, как это не пьют? Водки не пьют, водки не пьют, водки не пьют! И пива не потребляют! И рейнского сладкого не глотают! Не пьют, потому что им нет, не дают, нет, не дают, нет, нет, нет! Только воду пьют, пьют, только воду пьют! Вровень несутся верные кони... Так скачут,

будто и пить не хотят, пить не хотят, пить не хотят, воды не хотят, воды не хотят и по пиву не грустят, не грустят, будто не останови, так и протарабанят всю тыщу верст до столицы французского королевства!» (с. 6) Это нарочитое лирическое вкрапление, вольная шуточная фантазия, навеянная ритмом лошадиной скачки, располагающаяся в самом центре интригующей завязки, изображающей неких молодых людей, спешащих куда-то с некой секретной и опасной миссией, дает первое ясное представление об авторских приоритетах.

Аксенов не заботится о верности исторического «колорита». С самого начала этот колорит – мнимость, поскольку любой исторический эпизод содержит здесь прозрачные аллюзии с веком двадцатым. Александр Не-Исаевич Сумароков, западники и почвенники, «уноши»-стиляги, изнывающие у ворот чужих посольств в стремлении соответствовать последним модным веяниям, специфическая газетная фразеология, политический цинизм – всё это явно не только восемнадцатый век. Стилизация призвана в «Вольтерьянцах и вольтерьянках» свести две эпохи русской жизни и обнаружить в них общую культурную и социально – политическую парадигму. В результате за этикетными формулами «старинной» эпохи обнаруживаются абсолютно идентичные современности представления, образ мыслей, сфера идеального и область трагического. Люди говорят на другом языке, носят другую одежду, ездят на другом транспорте, но говорят они о том же самом, что и современные политики, интеллектуалы, художники, «уноши» и девушки. Это совершенно иное отношение к историческому материалу, нежели то, что знакомо читателю прежде всего по русской классике. В «Войне и мире», «Капитанской дочке» принцип историзма предполагал в качестве обязательного условия непременно воспроизведение «культурного кода» эпохи, а не только имитацию ее самых эффектных стилистических клише.

Многие пишущие об Аксенове отмечают «праздничный» характер его художественного дарования. Читатель «Вольтерьянцев и вольтерьянок», действительно, вполне может настроиться на праздник искусства, торжества творческого воображения, который противопоставлен у В. П. Аксенова всему

злу в мире. Отрицательный опыт соприкосновения с ценностями новой жизни в «старинном романе» Аксенова не отменяют авторской любви к красоте, служение ей, веры в гармонию мироздания. Они и составляют идейную основу аксеновского романа, именно в этом смысле роман становится продолжением традиции русской классики.

Основное содержание работы результаты исследования отражены в следующих публикациях:

В ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1.Маклакова С.В. Контекст героя и контекст автора в романе В. Аксенова «Вольтерьянцы и Вольтерьянки» // Вестник Вятского Государственного Университета. Филология и искусствоведение. №2(2). Киров, 2011. С. 139-143.

В других изданиях:

2. Маклакова С.В. Рецепция русского XVIII века в романе В. Аксенова «Вольтерьянцы и Вольтерьянки» // Новое прочтение отечественной классики. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. С. 48-53.

3. Маклакова С.В. Роман В. Аксенова «Вольтерьянцы и Вольтерьянки» как игра в традицию и полемика с ней // Традиции в русской литературе. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2011. С.190-196.

4. Маклакова С.В. Жанровое своеобразие романа В. Аксенова «Вольтерьянцы и Вольтерьянки»// Материалы к самостоятельной работе студентов- филологов по литературе на заочном отделении. Вып. VII. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2008. С. 40-43.

5. Маклакова С.В. Пространственно-временная организация романа В. Аксенова «Вольтерьянцы и Вольтерьянки» // XXII Пуришевские чтения. История идей в жанровой истории. М: МПГУ, 2010. С. 51.

6. Маклакова С.В. Функции стилизации в структуре романа В. Аксенова «Вольтерьянцы и Вольтерьянки» // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2010. С. 216-220.